

профессор Сергей Сергеевич Глаголев

**О Ключевском В. О.
профессор Сергей Сергеевич Глаголев**

Что же смотреть ходили вы?

Ночь с понедельника на вторник проходила. Был тот предрассветный час, когда спящие спят особенно крепко, а беседа добровольно бодрствующих становится особенно откровенной. Ключевский говорил хозяйке дома: «Л.Н-на! одна дама высказала мне такие истины: «почему, спрашивала она, вами интересуются? Ведь, вы даже не умны, но что-то в вас есть».

Я привез вам давча вторую часть моего курса русской истории; в моих лекциях может быть что-то и было, но это что-то растворилось в книге». Наступила пауза. – «а интересная была дама, которая вам это говорила, спросил один из сидевших за столом. – «Как вам сказать? у ней очень маленький нос, а я не люблю дам для открытия носа у которых требуется снаряжать географические экспедиции». – «У вас ведь своеобразный вкус, В.О., сказал другой, вот вам нравится m-me M., а что в ней хорошего?» – «А мне нравятся именно те, которые никому не нравятся», сказал Ключевский. От m-me M. перешли к другой, а потом к третьей. Была общая черта у всех этих дам, черту эту не указывал Ключевский, но ее знали все: все эти дамы были несчастны в семейной жизни, и движимой состраданием Ключевский не только явно симпатизировал им, но и проявлял антипатию к их мужьям. Однако он сам? Неужели он готов был полюбить женщину только за то, что она страдала. Страдание вызывает сострадание, но не любовь. Образ, который любил Ключевский, нашел себе воплощение в литературе. Писателей XX столетия Ключевский не читал и из писателей XIX он уделил внимание немногим, но этих немногих он любил и ценил. Он невысоко ставил Толстого, спокойно заявив, что Debasle Зола гораздо выше войны и мира. Он отзывался о Достоевском, как о неопрятном писателе. Но он любил Тургенева. «Тургенев, вот – наш (?) писатель», говорил он. И среди женских образов Тургенева Лиза Калитина трогала его сердце. И он говорил и вспоминал Пензу, где он учился и где была девушка, которой он переводил Гейне и Гёте, и эта девушка была нежным и хрупким

созданием, и Ключевский уехал в Москву уверенный, что она умрет. Но все это слишком сантиментально для Ключевского. «И представьте, продолжал он, недавно она была у меня в Москве; у ней взрослая дочь и в ней самой восемь пудов весу“.

*Нет, горды уста эти, могут они
Шутить лишь, лобзать и смеяться;
Насмешлива речь их – а сердце в груди
Готово от мук разорваться.*

Тень несчастной невесты Лаврецкого скользнула по столовой и исчезла, унося с собою заглушенную и осмеянную тоску по идеалу.

«Теперь я ни за кем не ухаживаю, повествовал Ключевский; впрочем, недавно в деревне начал было ухаживать за одной деревенской дамой т. е. за бабой. Представьте, некоторый успех был! Мне удалось оказать ей услугу. Она грибы несла и нужно было ей перебраться через воду. Я ей грибы подержал. Она обернулась ко мне, посмотрела на меня ласково, ласково и сказала: спасибо, дедушка. После этого я решил ухаживать за дамами только с позволения своей жены“.

Но если он не искушался, то его, по его словам, искушали. В Париже в каком то публичном месте к нему приступила француженка, искушая его. Что-то съела, что-то выпила, ему пришлось заплатить франка два, потом она приступила к нему уже с очень

рискованным предложением. Ключевский отстранил ее и сказал: – Dieu, épouse et police – Бог, жена и полиция, вот, что охраняло его от падения на жизненном пути. А потом и возраст стал служить охранительным началом, в действительности может быть он только и был надежной защитой от греха. Проф. X. стал трактовать о дамах, как человек претендующий на успех у них. Ключевский сказал: «в реке купались маленькие дети; в отдалении стоял маленький мальчик. Прохожий спросил: «кто это купаются – мальчики или девочки?» мальчик ответил: «а я почему знаю; ведь, они без рубашонок“.

«Так и нам с вами, заключил Ключевский, пора бы различать мужчин и женщин только по платью“.

Хозяйка ушла. Речь стала не более откровенною, но более свободною. Один кающийся грешник стал утверждать, что он изменял своей жене. Ключевский сказал: «это невозможно; вы клеветаете на себя“.

Ключевский стал рассказывать, как принимал участие в переводе камаринского на франко-русский язык. Начало было переведено так:

Ah! tu, fils de chien, kamarinsky paysan.

Продолжение предложил Ключевский:

Очень декольтэ по улице бежит.

Так проходила ночь и так шла беседа.

Ключевский был изумительно остроумен и находчив, но его рассказы не были экспромтами. Если один из персонажей Шекспира на вопрос –

Откуда вы острот таких набрались?

Ответил:

Экспромты – все, от матушки достались, то нечто подобное мог сказать о себе и Ключевский. Он разрабатывал и варьировал свои рассказы и применительно к обстановке и обстоятельствам порою совершенно менял их мораль.

Его отзывы о людях и оценка им людей менялись. Так о своем учителе и предшественнике по университету С. М. Соловьеве он отзывался вообще с почтением, но вдруг неожиданно заявил: «фанфара!» И он вполне

повторил то, что публично говорил о Соловьеве, о его манере читать лекции и что все говорилось в похвалу и из всего этого сделал новый вывод, что манера читать у знаменитого историка была рисовкой, позой. Между Ключевским и сыном С. М. Соловьева Владимиром С–чем Соловьевым лежало непонимание. Склад души у того и другого был особый, души у того и другого было много, и обе эти души тяготели к свету, и однако они были неродственны. Когда Вл. С. Соловьев стал печатать «Оправдание добра», Ключевскому сказали: вот Соловьев говорит, что человек отличается от животного стыдом: у человека есть стыд, а у животного нет. Ключевский сказал: «врет: у животных есть стыд; вот – у меня Кудька, ему всегда бывает совестно, когда что не ладно сделает, он подожмет хвост и глядит виновато, а у человека нет стыда: у человека страх». Когда шла речь по поводу статей Соловьева о Пушкине и Лермонтове, Ключевский сказал: «Соловьев не умеет писать». Что хотел сказать этим Ключевский? Читал ли он эти статьи? Он сам писал о Пушкине и о Лермонтове. Настроение Лермонтова он назвал «грусть» и сблизил с настроением царя Алексея Михайловича. Этого сближения, кажется, никто не понял, и один критик в частной беседе сказал о грусти Ключевского: его грусть грустна. Несомненно. Соловьев и Ключевский подходили к Лермонтову с разных сторон, смотрели на него разными глазами, и понимание одного другому казалось непониманием. Ключевский, впрочем, вообще кажется был склонен относиться к философам иронически. Так о Н. Я. Гроде безнадежно искавшем, к какому бы направлению ему примкнуть, Ключевский говорил: когда я вижу Грота, мне всегда вспоминается:

Тишь. Безветрие. Недвижно стоят флюгера.

И как ни гадают, никак не добьются,

В какую бы сторону им повернуться.

Но себя он считал не чуждым философии. Он утверждал, что прочитал критику чистого разума и одну свою беседу с совершенно чуждым философии профессором П. И. Г-м резюмировал так: «я не понял критики чистого разума, ее прочитав, а он понял ее, не читая.

О своих министрах Ключевский отзывался всегда прилично, но над попечителями обыкновенно иронизировал, особенно над попечителями толстовской школы – великими классиками, не умевшими читать полатыни. Он рассказывал как граф К. говорил: «в Священном Писании сказано: *de gustibus aut bene, aut nihil*“. Ключевский рассказывал что слова Горация *respice fidem* для этого попечителя он перевел: никогда не ври. В начале девятисотых годов Ключевский шел против попечителя математика, но это было под посторонними влияниями.

Ключевский редко одобрял людей, но не потому что искал в них дурных сторон, а потому что не мог не замечать этих сторон. Он не злословил, тем менее он был способен передать о ближнем какой-нибудь компрометирующий его рассказ друга; нет, он просто характеризировал. В ряду лиц, которых академия канонизовала в своем сознании, может быть первое место занимает её ректор А. В. Горский. Благодарная память

академии так идеализировала и стилизовала этот образ, что от него не осталось живого человека, а только нечто просящееся на икону. Ключевский облакал его в плоть и кровь. «Горский, говорил он, был склонен к иронии. Он был у меня на вступительной лекции, где я развивал широкие планы. Прощаясь со мной после лекций, он сказал: ну, дай вам Бог выполнить намеченное, и в его пожелании прозвучала насмешка“. «Горский, говорил еще Ключевский, не понимал людей; он предлагал мне заняться описанием рукописей, значит, он не понимал меня“. Да, предложить Ключевскому посвятить свои силы описанию рукописей это все равно, что предложить Рафаэлю заняться растиранием красок для облегчения труда суздальских живописцев.

У Ключевского были свои нормы оценки. Он говорил: мужчине неприлично быть красивым, а женщине неприлично быть некрасивой. С внутренней стороны он искал у женщин души и у мужчин ума; он ценил у женщины душу, существование которой у неё отрицал Вейнингер, и он ценил у мужчины ум, которого по большей части у мужчины гораздо меньше, чем у женщины души.

«Л. Н-на, говорил Ключевский той даме, которой привозил свои

сочинения, если вы хотите выступать пред аудиторией, то для того, чтобы не смущаться, ненужно питать особенного уважения к публике, но с публикою должно быть серьезным и наиболее серьезным должно быть, когда говоришь наименее серьезные вещи. Когда для построения вывода требуется фраза: «а так как отцы обыкновенно бывают старше своих детей, то...» то это фразу произносишь не только с серьезным, но даже с нахмуренным видом, как будто мысль заключающаяся в ней есть плод долгих умственных усилий“.

Ключевский – единственный лектор, его нельзя ни с кем сравнивать, ему можно только удивляться. Чрезвычайно трудно охарактеризовать его. Его нельзя назвать лектором блестящим. В его лекциях не было блеска, огня, пафоса, подъема. Можно ли назвать его оригинальным? Но он как будто даже подчеркивал в себе отсутствие оригинальности. Когда Л. Н. Толстой в высоких сапогах и рабочей блузе входил в гостинную, он тем самым

свидетельствовал о себе, что он не таков, как прочие человеки. Ключевский никогда не мог позволить себе этого. Он одевался так, чтобы быть незаметным. Его костюм был скромн, очень скромн, как будто немного поношен, довольно опрятен, но главное – он был незаметен. Говоря языком наших дней: он был защитного цвета. И как лектор, он не прибегал ни к каким искусственным приемам для привлечения внимания. Фихте, взойдя однажды на кафедру, затушил горевшие пред ним две свечи, затем зажег их, потом снова затушил и опять зажег. Все это он проделал с серьезным видом и в глубоком молчании и потом заговорил о смене моментов света и мрака. Подобная балаганщина была немыслима для Ключевского. Он был естественным даже тогда, когда не все было благополучно и естественно.

Многие ли знали, что для него нелегко было входить на кафедру в академии. Он читал в самой большой, теперь не существующей аудитории. Студенты сидели в ней справа и слева, середина залы оставалась пустою. Кафедра была приставлена среди залы к стене, прямо против кафедры была входная дверь для профессора. Ключевскому от двери до кафедры нужно было проходить довольно значительное пустое пространство, а у него была боязнь пространства: двигаться имея перед собой пустоту, было нелегко для этого неробкого человека. Он проходил это пространство ускоренным шагом, который нельзя было назвать бегом, но который не был и нормальной походкой. Наклонив немного голову, часто держась правой рукой за левую пуговицу сюртука, он быстро проскальзывал на кафедру и начинал говорить,

поворачивая голову то вправо, то влево к слушателям.

Говорил он очень медленно – он немного заикался, но это было неуловимо. Всегда оставался серьезным и спокойным. Характеризовал ли он Петра I, в котором видел человека наилучшим образом понявшего нужды своего народа и наилучшим образом сумевшего их удовлетворить, или Петра III, в котором он видел шута на троне, он оставался неизменным, он не восторгался человеком – и не негодовал на него, он его объяснял.

Так точно дьяк, в приказах поседельй,
Спокойно зрит на правых и виновных,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не ведая ни жалости, ни гнева.

Его лекции никогда не были импровизациями. Каждое слово в них было взвешено, размерено и обдумана форма его произношения. Некоторые слова и даже фразы подчеркивались, и это подчеркивание заменяло собою порою целое рассуждение. Вот Ключевский выясняет развитие идеи царизма. В 1498 г. великий князь-дед возложил на великого князя внука шапку и бармы мномаха. «Подлинность этих царственных украшений, вставляет Ключевский, лежит на ответственности тогдашней, московской археологии». Подчеркнута вся фраза и в ней особенным образом подчеркнуты слова «тогдашней, московской». После этого речь в лекции идет о другом, но отношение лектора к шапке и бармам мономаха ни в ком уже не вызывает сомнений. Вот Ключевский характеризует Петра I, он объясняет, как Петр вышел не похожим на своих предков: хозяин – рабочий, царь – мастеровой. Ключевский заканчивает речь о Петре: «холодный, но способный к

страшным взрывам. Точь в точь чугунная пушка его петрозаводской отливки». Это неожиданное сравнение действует на слушателей, как выстрел из пушки, но лектор остается невозмутимым.

Ключевский всю жизнь играл одну роль, и эта роль и была его жизнью – роль профессора русской истории. Он оставался профессором и на кафедре и за чайным столом и в вагоне. Сам он по-видимому склонен был попробовать силы и на иных ролях. Что делать? Гете хотел быть великим скульптором, а Пров Садовский хотел сыграть Лира. По-видимому Ключевский был склонен считать себя дипломатом и практиком, но он не был ни тем, ни другим. Существует мнение о влиятельности его голоса. Это мнение совершенно ошибочно. Невидно влияния его в университете. Из его собственных

рассказов, наоборот, открывалось, что предложения его отклонились.

Так это было по вопросу об ученых степенях; кандидатуры, в проведении которых принимал участие он, порою проваливались. Не имел он никакого влияния на дела академии. Он и не выступал здесь с предложениями и проектами. Но его нередко привлекали к защите чего-нибудь или к борьбе с чем-либо. Тогда он действовал. Но в конце концов его деятельность сводилась к подаче голоса. Его рассуждения не могли быть убедительны, потому что он обыкновенно не вполне знал дело или знал его односторонне. Влияния он не имел. Его высоко ценили, но не в советских делах.

Ключевский был профессором. За каждой его лекцией скрывалась большая научная и художественная работа и, пожалуй, нередко последней было больше, чем первой. Ключевский был высоко талантливым ученым работником, и его исследования высоко ценились везде и всеми. Но последние десятилетия он должно быть отводил мало времени для кабинетных работ. Раз когда он читал в академии характеристику царя Алексея, у него на лекции случайно оказался старый и благочестивый Д. Ф. Г-кий, осматривавший аудитора для своих надобностей. Ключевский, симпатизировавший Алексею, говорил о благочестии царя и у него вышло, что царь по праздникам клал поклоны целыми тысячами. Д. Ф-ч после лекции сказал Ключевскому в профессорской: «этого не могло быть; по праздникам поклоны отменяются». Ключевский улыбнулся и сказал: «а это сообщает» и назвал какого-то писателя XVII века. Однако в лекции он никого не цитировал. Говоря о ценах, он всегда предполагал настоящую стоимость серебра в 22 р. за фунт, но достаточно ему было, когда он держал корректуру I-ой части своего курса, посмотреть биржевой отдел в газете за день, чтобы убедиться, что стоимость серебра была 13–15 руб. за фунт, а не 22. В своей характеристике великороссов он произвел январь в первые месяцы за столетия до Петра. Да, и самая эта характеристика более красива, чем верна. У него получилось, что великоросс – замкнутый человек, который работает лучше один, чем вместе. Это неверно. Повидимому великолепно осведомленный в душегреях, кафтанах и этикете прошлых столетий, он был твердо убежден, что форменный фрак есть привилегия исключительно профессоров и что попечитель учебного округа не имеет права его носить. Так он монополизировал для своей профессии одежду чиновников VI и высших классов. Особенно странным представлялось в нем явно обнаруживаемое им непонимание дифференциального тарифа. Он кратко сущность его определил так: «чем дальше, тем дешевле», и потом из разъяснений его открывалось, что он серьезно полагал, что провоз из Владивостока до Москвы может стоить

дешевле, чем провоз из Томска до Москвы. К его сообщениям, рассказам и объяснениям не мешало относиться с осторожностью, потому что он сам может быть ошибочно уверенный в некомпетентности собеседников не всегда соблюдал осторожность. Так, он не прочь был поговорить и об алгебре и раз заявил, что одно уравнение с двумя неизвестными имеет не много решений, но одно уравнение с тремя неизвестными имеет бесконечное число решений. Ему сказали, что это – не так. Он начал ссылаться на алгебру Давидова. Ему сказали, что в алгебре Давидова, как и во всякой алгебре, говорится, что всякое неопределенное уравнение имеет бесконечное число решений. Один раз Ключевский почему-то стал говорить о заслугах профессора Тимирязева и определил их так: Тимирязев объяснить происхождение цвета лепестков и этим прославился. Но на самом деле происхождения окраски лепестков Тимирязев не объяснил и прославился не этим.

Ключевский знал, надо полагать, не особенно много. Он знал *pop multa, sed multum*. То, что он знал, он глубоко продумал. При решении каждого вопроса он по-видимому прежде всего устанавливал, какой материал нужно привлечь, какие условия нужно исследовать. Для своих работ он привлекал все нужное и только нужное. В его книгах и статьях нет праздных цитат, насаживая которые в свои фолианты бездарные люди теперь думают, что они – действительно ученые люди.

Ключевский был человеком высоко образованным. Он преподавал в военном училище (Александровском), в духовной школе (академии), в университете, на женских курсах, в училище живописи, ваяния и зодчества, читал политическую историю покойному, наследнику Георгию

Александровичу, читал приватно истории в высших сферах. Он имел дело с людьми разных настроений, разных взглядов, разного характера образования. Привыкший характеризовать людей, он умел понимать их. Для понимания людей надо знать то, что они знают. И он знал основы разного рода наук, был знаком и с искусством. Он любил литературу. Когда византолог Крумбахер был в Москве, Ключевский прочитал ему из Гете стихотворение, в котором ученого спрашивают мнения о людях, в общество которых он попал. Ученый отвечает если бы они были книги, я бы не стал их читать. Под ученым разумелся Крумбахер, под людьми Ключевский хотел разуметь себя и компанию. Крумбахер сознался, что он не знал этого стихотворения Гете. Ключевский знал веймарского поэта, но отсюда не следует делать вывода, что он знал русских поэтов и беллетристов конца XIX и начала XX столетия.

Каковы были взгляды и принципы этого человека?

Одни определяют его, как шестидесятника. Он кончил университет в половине шестидесятых годов, его деятельность началась в эпоху реформ. Многие настаивают на том, что он – кадет и для этого имеют официальные доказательства: он принадлежал к кадетской партии. Многие считают его монархистом и имеют для этого немало конфиденциальных доказательств. Наконец, не мало найдется людей, которые считают Ключевского человеком беспринципным, принимавшим приспособительную окраску сообразно с тою средою, в которой он находился в данный момент. Теория приспособительной окраски должна быть отвергнута, приспособительной в смысле готовности утверждать все то, что предпишет начальство. Ведь, поднимался вопрос об увольнении Ключевского из университета. Делянов хотел перевести его в Казань, но Делянову, по словам М. М. Ковалевского в Вестнике Европы, указали, что Ключевским дорожат в духовных сферах и в триицкой академии. Делянов не тронул Ключевского. Во всяком случае Ключевский считался то красным, то черным. Период его негласного пребывания в консерваторах обнимает, кажется, собою время от получения им чина действительного статского советника до 17 октября 1905 г. После этого он решительно и прямо перешел в оппозицию. Когда об этом переходе, который для многих явился неожиданным, сообщили Победоносцеву, тот сказал: «что ж? он всегда кувыркался». А за год или за два до этого Ключевский рассказывал: «Победоносцев мне жаловался, что его уже не понимают в государственном Совете». И Ключевский, получивший тайного советника благодаря Победоносцеву, комментировал эту жалобу в том смысле, что люди нового времени не понимают многого, ибо не знают и не понимают прошлого.

Выше была приведена его фраза о «тогдашней, московской археологии». Любопытно, что в литографированном издании его лекций 1887 года эта фраза была выброшена. Что это случайность? Вызванная обстоятельствами осторожность или, наконец, результат признания фразы неудачною? Во всяком случае – не последнее, потому что с кафедры фраза аккуратно повторялась. В 1894 году Ключевский произнес свою знаменитую речь об Александре III. Эта речь принесла ему много огорчений и надолго лишила его популярности. Нужно думать, что в этой речи он был искренен, но он в это время утратил несколько представление о среде, с которой имел дело, и может быть единственный раз в своей жизни пропустил случай промолчать. Он немного говорил о своем пребывании в Аббас-Тумане, но то, что он говорил, было характерно.

Он рассказывал, что у него спросили, как он себя там чувствует? И он

ответил: «здесь я из человека превращаюсь в нравственное правило». Он читал в Аббас-Тумане, сочиненные им новооткрытые афоризмы Кузьмы Пруткова. Один из этих афоризмов гласил: некоторые бывают республиканцами, потому что рождаются без царя в голове. Совершенно непонятно, как он мог читать в Аббас Тумане политическую историю XIX столетия. Политикой он не занимался, его политические сведения были скудны и недоброкачественны. Он решительно отрицал возможность войны России с Японией, а когда война началась, решительно утверждал, что Япония будет раздавлена. По-видимому? силы Японии он сближал с силами Монако. Но он несколько не смутился, когда действительность опровергла его пророчества.

Когда студенческие волнения приняли уже хронический и угрожающий характер, он долго пытался относиться к ним, как к детским шалостям, которые немедленно прекратятся, стоит лишь на расшалившихся детей погрозить пальцем. Такой взгляд был причиной одного грустного обстоятельства. Университетское движение нашло себе отклик – правда, довольно слабый – в духовной академии. Ректор академии еп. Е–м стал спрашивать Ключевского о событиях в университете. Ключевский университетское движение изобразил в виде водевиля, который, как и всякий водевиль, должен кончиться сам собою и уже кончается. Ректор обратился с воззванием к студентам, приглашая их успокоиться и, процитировав

Ключевского, идилично изобразил положение дел в университете. Неизвестно кем и в какой форме, но это было сообщено Ключевскому. И это может быть был единственный случай, когда уравновешенный историк потерял самообладание. Он обратился с речью к студентам, в которой студенты уже не трактовались, как шаловливые дети, он выразил ректору публично в профессорской резкое порицание за передачу частной беседы. Он был искренен в своем гневе, не замечая, что он порицал ректора за то, что тот ему поверил. Горе Ключевского заключается в том, что он, давши России не мало дельных учеников, расплодил очень много обезьян. Задача последних канонизовать недостатки учителя. Ключевский без задней мысли, безусловно без практических расчетов говорил с ректором о событиях в одном тоне, с студентами – в другом. Тон оказался несогласимым. Немногие имеют мужество всегда быть прямыми, т. е. часто неприятными. Ключевский не имел этого мужества. Но своеобразные почитатели историка потом стали доказывать, что так и должно быть. Частная беседа – одно, а официальная речь – другое; сопоставлять их значит совершать преступление. Разумеется, все мы

грешим тем, что наши слова, произнесенные при разных условиях и обстоятельствах, не согласуются между собою, но нужно иметь очень своеобразную совесть для того, чтобы этот печальный факт возвести в нравственный принцип.

Ключевский долго иронизировал над требованиями конституции. Он изображал в смешной форме съезд акушеров, которые вынесли резолюции, что без конституции бабы на Руси не могут рождать. В 1905 г. он говорил студентам университета в частных беседах: «самодержавие, это – скала, которая создана историей, лепа она или нелепа, она несокрушима; вам ее не поколебать“. Он иронизировал над евреями. Он рассказывал о еврее, который нес знамя, на котором красовалась буква *Ш*. У еврея спросили, что это значит? – Как что? Ответил тот – свобода.

В начале сентября 1905 г. Ключевский на совете в академии неожиданно заявил, что он оставляет академию. Он говорил, что ему тяжело расставаться с своими товарищами, что по его возрасту ему бы пора сокращать

территорию своей деятельности, но что обстоятельства его куда-то призывают. Речь была неясна и ее выслушали с недоумением. Некоторые как-будто даже не обратили на нее внимания. Но в ней как будто слышалось, что он призывается на какой-то важный пост. Перед этим, нужно заметить, Ключевский участвовал в петергофских заседаниях по вопросу об учреждении государственной думы. После всего этого не было бы удивительно, если бы переменялось положение Ключевского, но переменялось не его положение, а переменялся он сам.

Когда явился манифест 17 октября, естественно было ожидать, что старый профессор останется наблюдателем и истолкователем событий, но случилось иное: он пожелал сам принять участие в их создании. И здесь этот оригинальный человек начал с того, что поступил совсем неоригинально: он примкнул к партии, которая была создана не им, над уставом которой он по-видимому не размышлял, потому что на предвыборных собраниях в Сергиевом посаде публично заявил, что он ничего не понимает в земельном вопросе. Невидно, чтобы и партия возлагала на него особые надежды. Из его собственных слов выходило, что кадеты хотели его выбрать выборщиком по Москве с тем, чтобы он выбрал указанных ему лиц, между которыми его не было. Такую роль мог бы выполнить и почтальон. Разумеется, такая роль не могла показаться ему лестной. Он захотел пройти в думу сам и попытался сделать это по московской губернии по службе в академии. И здесь в нем сказался непрактичный человек. Он явился на выборы, совершенно не представляя

при помощи чего можно приобрести голоса. Нужно ли для пользы дела выяснить публике, что он имеет чин тайного советника и участвовал в петергофских заседаниях? Нужно ли привлекать сердца

купцов или опереться на кустарей и социал-демократов? Благодаря посторонним содействиям, он по числу голосов оказался первым после выборщиков, но если бы он немного ориентировался в положении вещей, если бы около его знаменитого имени была пущена самая маленькая пропаганда, он был бы избран *per acclamationem*. Он думал, что он известен, а его не знали; он думал, что нужно было говорить о связях с высшими сферами, а нужно было говорить о близости к меньшей братии.

Потом он говорил, что он не пошел бы в думу, если бы его выбрали. Но зачем он шел? Точно также он печатно заявил, что он не пойдет в государственный совет. Но баллотировался, был выбран единогласно, значит и сам подавал голос за себя. И затем отказался. Зачем все это? Во всех этих действиях нельзя понять их смысла и нельзя видеть его воли.

Настоящий очерк, основанный на воспоминаниях, не имеет ввиду выяснить вполне этого крупного человека, а только сказать кое-что о нем. В Ключевском, наблюдая за ним, легко было подметить две черты: он страшно боялся оказаться смешным и остаться одиноким. Первое заставляло его всегда быть на стороже. Если бы у него спросили: В. О! какой сегодня день? он не ответил бы сразу. Он бы подумал – нет ли здесь подвоха, не

расставляются ли здесь ловушка? И возможно, что он ответил бы не прямо, а тоже вопросом или уклончиво или шуткою. Другая его черта – боязнь оказаться в меньшинстве. Ведь, в известных случаях это значит иметь против себя большинство товарищей. Духовный климат университета и – еще шире – той сферы, в которой преимущественно вращался Ключевский, был кадетским, и он уже по чувству товарищества, по чувству солидарности

должен был примкнуть к кадетам. Но действовать едва ли он уже мог. Может быть в глубине души он думал: лепо ли все сие или нелепо; выйдет то, что должно выйти по законам истории.

Как-то он говорил о нелепости революций. Он утверждал, что революции, расстраивая жизнь, принося много горя, не дают ничего, что после них в государстве является только то, что было бы и без них, и что является плодом естественного развития. Что должно явиться в России плодом естественного развития? Как представлял себя её будущее Ключевский? На лекции он говорил, что вопрос о присоединении Галиции к России есть только вопрос времени. Значит, он представлял себе

территориальное будущее России. Несомненно, он рисовал себе и будущее её устройство. Может быть он кому-нибудь говорил об этом?

Но в сущности он замолк перед 17 октября. Не от себя и не свое говорил он после этого дня. В партии, к которой он примкнул и которая по своему интеллектуальному составу стоит гораздо выше других, он занял почетное, но декоративное место. Около его имени с этого времени создавался культ. Но когда его стали почитать, его перестали слушать. Правда, на лекции его стекались, но не затем, чтобы услышать новое слово; содержание его лекций было известно, а затем чтобы посмотреть и послушать старую игру старого артиста. Так московская публика стекалась смотреть на 65-летнего, умиравшего Росси, когда он играл Ромео.

Идейно Ключевский умер раньше 1905 года.

Но не в политических взглядах выражается душа человека, Маргарита не интересовалась – был ли Фауст монархистом или республиканцем, но она спросила:

Ты, Фауст, в Бога веруешь?

В своих отношениях к религии сказывается весь человек. Как относился к религии Ключевский? Каковы были религиозные убеждения этого профессора духовной академии? По внешности религия по-видимому мало занимала места в его жизни, а в официальных случаях она выражалась в православной форме; он подходил под благословение к митрополитам и архиереям; когда надобно, истово крестился и прикладывался к мощам и иконам. Но может быть на последнем суде Господь Бог будет нас судить не за то, чем мы были, а за то, чем мы хотели быть – за тайные помышления и влечения нашего сердца. Вопрос о вере человека вопрос очень интимный, но когда человек умер, вопрос этот может трактоваться лишь для пользы живых, а не для осуждения умершего.

Ключевский, начиная свои лекции в академии, обыкновенно говорил: «не мое дело показывать вам, какой вред произошел для церкви от её союза с государством, но мое дело показать вам ту пользу, которую извлекло государство из союза с церковью». О русском богословии Ключевский говорил, разумеется, не в лекциях: «какие русские богословы? У нас богословом считается Хомяков, но он гораздо больше занимался своими собаками, чем богословием. «В обществе по своим интересам

принадлежащем к хомяковскому типу, но не хомяковского склада при Ключевском говорили о том, как из первоначальных немногих документов образовалось Евангелие. Ключевский сказал: «можно представить, что

сначала было три документа: 1) нагорная проповедь, 2) прощальная беседа и 3) Отче наш, и какие-нибудь тетки Агафьи разносили их повсюду“. Когда ему заметили, что Отче наш уже есть в нагорной проповеди, он сказал: «особо его носили, как молитвенный документ». Говоря о юго-западных братствах, он темную сторону их усматривал во власти мирян над церковью. Ключевский стоял за отделение церкви от государства, но сомнительно, чтобы этот аристократ духа верил в религиозно-нравственную мощь русского прихода. Поучительно, что в своих чтениях он никогда не позволял себе ничего, что могло бы оскорбить или смутить чью-либо религиозную совесть. Было ли это только нравственной деликатностью или вера была дорога для него самого? Можно утверждать, что последнее. Ключевский отмечал, что студенты академии и университета различно относятся к его лекциям. Есть лекции, которых не любят те и другие. Таковы – о древнерусских летописях. Есть лекции, которых не любят академики – по вопросам экономическим; есть лекции, которых не любят университетские – по вопросам церковным. Вот эти-то последние лекции Ключевский читал как-то особенно в академии. Когда он говорил о происхождении раскола, то как бы легкое волнение охватывало его; он говорил о религиозном мышлении, настаивая на его существовании; чувствовалось, что он говорил о чем-то заветном и дорогом для него самого. Из его речей было видно, что старую академию он ставил выше, чем новую, но старая академия отличалась от новой прежде всего и больше всего религиозностью. Легкомысленно кощунственные выходки некоторых, видно, его коробили. С уважением он говорил о старых архиереях даже тогда, когда они по-видимому не проявляли к нему особого уважения. Так, он хорошо отзывался о пензенском архиерее, при котором учился в семинарии. Ключевский пробыл в богословском классе один год и затем перешел в университет. На экзамене в семинарии архиерей сообщил, что Ключевский уходит в университет. После экзамена архиерей позвал к себе Ключевского, наклонился к нему и сказал: «успеешь еще дураком-то сделаться“. Иногда речи Ключевского звучали иронически, их можно было истолковывать двояко, но можно было бы извлекать из них и нравственный смысл. Так, однажды при нем рассматривали издание библейских гравюр из библиотеки пожертвованной одним архиепископом в академии. Оказалось, что все гравюры пикантного содержания были вырваны. Как же это? почему? спрашивали рассматривавшие. Ключевский с серьезнейшим видом сказал: «может быть владыка оставил их у себя?“ – Зачем? спросили у него. – «Чтобы мы не соблазнились“. Очень охотно и часто Ключевский

говорил о религиозности своей жены, которая потом и умерла в церкви. Он называл её религиозность спортом, но видно было, что к этому спорту он относился с глубоким уважением. К походам против православия, к авторам самоизмышленной веры, он относился отрицательно. Заметно, он не любил Толстого. Когда Толстой написал статью «Первая ступень», в которой требовал беззубойного питания для всех, Ключевский сказал: «ну, если бы все дело было в картошке, все немцы давно бы сделались святыми». У одного кандидата богословия Толстой спросил: «где ад?» – Когда об этом рассказали Ключевскому, он сказал: «а он бы ответил: вы это скоро сами узнаете». Толстой был у Ключевского и по его словам спрашивал его: «на что вам разум?» И будто бы Ключевский ответил: «на то, чтоб об этом не спрашивать». Было ли это или не было; во всяком случае несомненно, что Ключевский очень отрицательно смотрел на высокомерно-враждебное отношение Толстого к православной церкви. Никогда он не высказывал сомнений и недоумений по вопросам веры, хотя часто высказывал замечания, которые показывали, что он о ней много думал.

Достаточно ли всего этого для того, чтобы признать его религиозным? Ключевский уважал религиозную веру, а ее может уважать только тот, кто хочет ее иметь или кто уже ее имеет. Неверующие люди, заявляющие что они уважают веру, пошлы вдвойне. Во-1-х, они рисуются своим неверием, как мудростью, освободившею их от иллюзии и повергнувшею в бездны красивого пессимизма; во-2-х, они оскорбляют верующих, заявляя в сущности, что те пребывают в глупости и обмане. Таков Ренан, заявляющий о своей зависти к наивной вере бретонцев. Таковую, в сущности, глуповатую позу никогда не мог принять Ключевский. Он уважал веру, потому что видел в ней сокровище. Несомненно он верил в Бога, как его понимает христианство. Но принимал он все христианство в форме православия или в форме близкой к православию? Может быть он принимал веру отцов, рассуждая, что невелико прегрешение разделять заблуждения отцов, но будет непростительным грехом, если отказаться от их веры, а она окажется истиной? А может быть он верил просто, как просто верил его отец и как верила его жена.

Что почитали и любили в Ключевском? Ученого? но ученых теперь много на свете. Остроумие? Но не мало имеется и людей, старающихся быть остроумными. Почитали ли в нем человека будущего, тип которого должны воспроизводить последующие поколения, или в нем видели воплощение добрых сторон прошедшего, которое должно исчезнуть и которое должно замениться новыми типами? Да, последнее. Может быть

его почитатели и ученики и не осознавали этого, но они это чувствовали. Никто и не сомневался, что Ключевский не повторится. Другого Ключевского не будет.

Он был питомцем старой загадочной бурсы, где как будто ничему не учили и откуда выходило множество умных людей. Изумительна та нравственная дисциплина, которую прививала эта школа к своим питомцам. Дело здесь не во внешней благопочтительности, которую отмечают у

старых священников; дело здесь в глубоком внутреннем сознании долга, которое характеризует этих священников. Лакеи очень почтительны, пока ждут на чай, но становятся очень наглыми, когда видят, что ждать нечего. Питомец старой бурсы кланялся архиерею и тогда, когда тот, говоря метафорически, отдавал его на распятие. Он исполнял то, что считал долгом. Чувство долга было сильно у Ключевского. Оно выражалось у него в его отношении к лекциям, в исполнении им своих обязанностей. Изумительна также была скромность его житейских требований. Немного он во всю свою жизнь издержал на себя и не потому чтобы он себе в чем отказывал, а потому что он нуждался в очень немногом. Он мог бы прожить и на дореформенный академический оклад. Вследствие этого от него веяло некоторою суровостью, но не тою, которая отталкивает, а тою, которая, внушая уважение, заставляла держаться от него на почтительном расстоянии. Едва ли на самом деле он и вверял себя кому либо и едва ли пред кем-либо он обнажал свою душу.

Старая бурса почитала логику. Логика проникала жизнь Ключевского. Он всегда производил впечатление человека, который знает, что делает. Он никогда не суетился, не спешил, он всегда и все обсуждал и делал совершенно спокойно.

Искал ли он когда-нибудь чего-либо для себя? Должно полагать, что нет... Для других и за других он действовал, он был добрым товарищем, но своего не искал, хотя и не был равнодушен к почестям, славе и ко всему.

Сильная логика в нем соединялась с необыкновенным юмором. Это – редкий союз и он поражал и пленял его слушателей, и собеседников. Обыкновенно острят, забывая о разуме, а вспоминая о нем, забывают о смехе.

Он – человек старой школы. Он не может повториться. Старые архиереи были для него понятнее, чем новые профессора. И чем большим европеизмом веяло от профессора, тем с большим сомнением смотрел на него Ключевский.

Другого Ключевского не будет.

Содержание

профессор Сергей Сергеевич Глаголев О Ключевском	1
В. О. профессор Сергей Сергеевич Глаголев	